

ISSN: 1814 - 6961
E-ISSN: 2788-9718

ОТАН ТАРИХЫ

ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2022, № 4 (100)

4 /2022

Құрылтайшы:

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғарғы білім министрлігі
Ғылым Комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты

Бас редакторы:

Қабылдинов Зиябек Ермұханұлы

Редакциялық алқа:

Абдырахманов Т.А. (Бішкек, Қырғызстан), Аблажей Н.Н. (Новосибирск, Ресей), Аяған Б.Г. (Астана, Қазақстан), Әбусейітова М.Х. (Алматы, Қазақстан), Әбіл Е.А. (Астана, Қазақстан), Әжіғали С. (Алматы, Қазақстан), Әлімбаев Н. (Алматы, Қазақстан), Жұмағұлов Қ.Т. (Алматы, Қазақстан), Көмеков Б.Е. (Астана, Қазақстан), Кудряченко А.И. (Киев, Украина), Любичанковский С.В. (Орынбор, Ресей), Мұқтар Ә. (Атырау, Қазақстан), Петер Финке (Цюрих, Швейцария), Смағұлов О.С. (Астана, Қазақстан), Сыдықов Е.Б. (Астана, Қазақстан), Уяма Томохико (Саппоро, Жапония)

Жауапты редактор:

Құдайбергенова Айжамал Ибрагимқызы

Ғылыми редактор:

Қозыбаева Махаббат Мәлікқызы

Жауапты хатшы

Мурзаходжаев Қуаныш Мәдиұлы

Техникалық хатшылар:

Зікірбаева В.С., Черепанов Т.К.

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көшесі, 28
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
«Отан тарихы» журналының редакциясы

Сайтқа сілтеме: <https://otan.history.iie.kz>

Тел.: +7 (727) 272-46-54.

E-mail: otanhistory@gmail.com.

Журнал Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде
1998 ж. 9 наурызда тіркеліп, N 158-ж куәлігіне ие болды.

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге
түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

Учредитель:

Министерство Науки и высшего образования Республики Казахстан
Комитет Науки
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова

Главный редактор:

Кабульдинов Зиябек Ермуханович

Редакционная коллегия:

Абдырахманов Т.А. (Бишкек, Кыргызстан), Аблажей Н.Н. (Новосибирск, Россия), Аяган Б.Г. (Астана, Казахстан), Абусейтова М.Х. (Алматы, Казахстан), Абил Е.А. (Астана, Казахстан), Ажигали С. (Алматы, Казахстан), Алимбай Н. (Алматы, Казахстан), Жумагулов К.Т. (Алматы, Казахстан), Кумеков Б.Е. (Астана, Казахстан), Кудряченко А.И. (Киев, Украина), Любичанковский С.В. (Оренбург, Россия), Мухтар А. (Атырау, Казахстан), Петер Финке (Цюрих, Швейцария), Смагулов О.С. (Астана, Казахстан), Сыдыков Е.Б. (Астана, Казахстан), Уяма Томохико (Саппоро, Япония)

Ответственный редактор

Кудайбергенова Айжамал Ибрагимовна

Научный редактор

Козыбаева Махаббат Маликовна

Ответственный секретарь

Мурзаходжаев Куаныш Мадиевич

Технический секретарь

Зикирбаева В.С., Черепанов Т.К.

Адрес редакции:

050100, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, 28
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
Редакция журнала «Отечественная история»

Ссылка на сайт: <https://otan.history.iie.kz>

Тел.: +7 (727) 272-46-54.

E-mail: otanhistory@gmail.com.

Журнал в Министерстве информации и общественного согласия Республики Казахстан
Зарегистрирована 9 марта 1998 г., имеет свидетельство N 158-Ж.

При перепечатке статей, съемке на микрофильмах и других копиях обязательно
делается ссылка на журнал.

Founder:

Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan Committee of Science
Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov

Chief editor

Kabuldinov Ziyabek Yermukhanovich

Members of editorial board:

Abdyrakhmanov T.A. (Bishkek, Kyrgyzstan), Ablazhey N.N. (Novosibirsk, Russia), Ayagan B.G. (Astana, Kazakhstan), Abuseitova M.H. (Almaty, Kazakhstan), Abil E.A. (Astana, Kazakhstan), Azhigali S. (Almaty, Kazakhstan), Alimbay N. (Almaty, Kazakhstan), Zhumagulov K.T. (Almaty, Kazakhstan), Kumekov B.E. (Nur-Sultan, Kazakhstan), Kudryachenko A.I. (Kiev, Ukraine), Lyubichankovsky S.V. (Orenburg, Russia), Mukhtar A. (Atyrau, Kazakhstan), Peter Finke (Zurich, Switzerland), Smagulov O.S. (Astana, Kazakhstan), E.B. Sydykov (Astana, Kazakhstan), Uyama Tomohiko (Sapporo, Japan)

Executive Editor

Kudaibergenova Aizhamal Ibragimovna

Scientific Editor

Kozybayeva Makhabbat Malikovna

Executive Secretary

Murzakhodzhayev Kuanysh Madievich

Technical secretary

Zikirbayeva V.S., Cherepanov T.K.

Editorial office address:

050100, Republic of Kazakhstan, Almaty, Shevchenko str., 28
Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov
Editorial board of the magazine «History of the homeland»

Link to the website: <https://otan.history.iie.kz>

Tel.: +7 (727) 272-46-54.

Email address: otanhistory@gmail.com .

Journal in the Ministry of Information and public consent of the Republic of Kazakhstan
registered on March 9, 1998, has certificate No. 158-Zh.

When reprinting articles, shooting on microfilm and other copies,
a link to the magazine is necessarily made.

ЭТНОЛОГИЯ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯ
ETHNOLOGY AND ARCHEOLOGY
ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

МРНТИ 03.20

DOI 10.51943/1814-6961_2022_4_142

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
МАВЗОЛЕЯ АЛМАТ-ТАМЫ В СЕВЕРНОМ ПРИАРАЛЬЕ
(В КОНТЕКСТЕ ОХРАННО-РЕСТАВРАЦИОННЫХ РАБОТ НА ПАМЯТНИКЕ)

Ажигали Серик Ескендирулы¹*, Турганбаева Ляйля Рымбековна¹

¹ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК

*Автор-корреспондент

E-mail:s.azhigali@gmail.com (Ажигали); laila@safar.kz (Турганбаева)

Аннотация. В данной статье публикуются материалы исследования одного из выдающихся творений казахского мемориального зодчества, возникшего в условиях взаимодействия национальных традиций и технологических инноваций конца XIX в. – мавзолея известного общественного деятеля Казахской степи Алмата Тобабергенулы. Представлены историко-этнографические сведения об усыпальнице и о самом эпониме. Заострено внимание на необходимости повышения статуса памятника архитектуры до республиканского уровня. Подробно освещена история его изучения, включая результаты археологических раскопок, реставрационных работ и историко-архитектурного исследования последних лет. На основании композиционного анализа сделана попытка воссоздания концепции мавзолея, круга идей и культурных смыслов, заложенных автором проекта, выявления его творческих принципов, композиционных приемов, конструктивно-технических и архитектурных решений, средств гармонизации, декора, способов и методов ведения строительства. Представлен обширный визуальный ряд и графическая реконструкция памятника.

Ключевые слова: мавзолей, памятник, реставрация, народное зодчество, мемориально-культурный комплекс, планировочная структура, композиция.

Статья выполнена в рамках реализации проекта №ИРН АР14872038 «Методика полевых этноархеологических (этноархитектурных) исследований памятников степной зоны Казахстана и в ареале диаспоры»

ҒТАМР 03.20

СОЛТҮСТІК АРАЛ АЙМАҒЫНДАҒЫ
АЛМАТ-ТАМЫ КЕСЕНЕСІНЕ ТАРИХИ-СӘУЛЕТТІК ЗЕРТТЕУ
(ЕСКЕРТКІШТІ САҚТАУ МЕН РЕСТАВРАЦИЯЛАУ ЖҰМЫСТАРЫ АЯСЫНДА)

Әжіғали Серік Ескендірұлы¹*, Тұрғанбаева Ләйлә Рымбекқызы¹

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, Қазақстан, Алматы қ.

*Автор-корреспондент

E-mail:s.azhigali@gmail.com (Әжіғали); laila@safar.kz (Тұрғанбаева)

Түйіндемe. Аталған мақалада XIX ғ. аяғында ұлттық дәстүр мен технологиялық жаңарулар әсерімен пайда болған қазақ мемориалды сәулетшілігінің керемет туындыларының бірі – Қазақ даласының белгілі қоғам қайраткері Алмат Тобабергенұлының мавзолейін зерттеулері бойынша материалдар жарияланып отыр. Қабір жайында және эпонимнің өзі жайлы тарихи-этнографиялық мәліметтер берілген. Архитектуралық ескерткіштің мәртебесін республикалық деңгейге көтеру қажеттілігіне айрықша мән берілген. Соңғы археологиялық қазба жұмыстары, реставрациялық жұмыстар мен соңғы жылдардағы тарихи-архитектуралық зерттеулер нәтижелерін есепке ала отырып, ескерткіштің зерттелу тарихы егжей-тегжейлі сипатталған. Жоба авторы белгілеген идеялар ауқымы

мен мәдени мағыналарын композициялық талдау негізінде кесене концепциясын жаңғыртуға оның шығармашылық ұстанымдарын, композициялық тәсілдерін, құрылымдық, техникалық және сәулеттік шешімдерін, үйлестіру құралдары, декор және салу әдістері мен тәсілдерін анықтауға талпыныс жасалды. Ескерткіштің кең визуалды топтамасы мен графикалық реконструкциясы ұсынылған.

Кілт сөздер: мавзолей, ескерткіш, реставрация, халықтық сәулет өнері, мемориалды-ғұрыптық кешен, жоспарлау құрылымы, композиция.

IRSTI 03.20

HISTORICAL AND ARCHITECTURAL RESEARCH OF ALMAT-TAMY MAUSOLEUM IN THE NORTHERN ARAL REGION (IN THE CONTEXT OF CONSERVATION AND RESTORATION WORK ON THE MONUMENT)

Azhigali Serik^{1ID*}, Turganbayeva Lyailya^{1ID}

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. Kazakhstan, Almaty

*Corresponding author

E-mail: s.azhigali@gmail.com (Azhigali), laila@safar.kz (Turganbayeva)

Abstract: This article presents research materials of one of the outstanding creations of Kazakh memorial architecture, which arose in the conditions of interaction between national traditions and technological innovations of the late 19th century – the mausoleum of the famous public figure of the Kazakh Steppe Almat Tobabergenuly. Historical and ethnographic information about the tomb and about the eponym itself is presented. Attention is focused on the need to raise the status of this architectural monument to the republican level. The history of its study is covered in detail, including the results of archaeological excavations, restoration work and historical and architectural research of recent years. On the basis of compositional analysis, an attempt was made to recreate the concept of the mausoleum, the range of ideas and cultural meanings laid down by the author of the project, to identify his creative principles, compositional techniques, structural, technical and architectural solutions, means of harmonization, decor, construction methods. An extensive visual range and graphic reconstruction of the monument is presented.

Key words: mausoleum, monument, restoration, folk architecture, memorial and cult complex, planning structure, composition.

Предыстория. Многолетние исследования свидетельствуют о наличии значительного числа уникальных памятников народного зодчества на обширных просторах Казахстана, многие из которых до сих пор остаются недостаточно известными, обнаруженными и не полностью изученными. Одним из таких выдающихся произведений казахской мемориальной архитектуры конца XIX в. является мавзолей Алматы Тобабергенулы (Алмат-тамы), возведенный над погребением крупного общественного деятеля Казахской степи середины, 2-й половины этого столетия, который был известен в российских источниках как Алмат Тобабергенов или «проводник Алматы». Актуализация вопроса по дополнительному исследованию этого памятника в последнее время связана с осуществлением на нем охранно-реставрационных работ.

Мавзолей Алмат-тамы находится в Ырғызском районе Актюбинской обл., в правобережье реки Ырғыз, в 22 км к ВЮВ от одноименного райцентра и размещается на небольшом фамильно-родовом кладбище (*бейит, қауым*), основным объектом которого он и является (Рис. 4–1). Памятник представляет собой сложное архитектурное мемориальное сооружение, предназначенное как для захоронения самого эпонима, так и его детей: то есть это своего рода монументальный фамильный склеп. Долгое время (до начала целенаправленных этноархитектурных изысканий в Западно-Казахстанском регионе, в том числе в Северном Приаралье, в конце 1970-х – начале 80-х гг.) этот незаурядный памятник оставался для специалистов не известным.

Впервые он был обследован Западно-Казахстанской (Актюбинской) архитектурно-искусствоведческой экспедицией ЦСО охраны памятников КазССР в 1983 г. под руководством С.И. Аджигалиева (С.Е. Ажигали). (Впоследствии экспедиция, которая работала и в др. областях региона, получила название Западно-Казахстанской комплексной этноархеологической экспедиции: ЗККЭАЭ). При первом обследовании был осуществлен архитектурный обмер памятника (архитектор Т.Н. Турекулов); а также фотофиксация мавзолея и отдельных объектов бейита, изучение

арабографичной эпиграфики стел – кулпытасов. По материалам обследования был составлен паспорт памятника истории и культуры на «мавзолей Алмат-тамы» (автор С.И. Аджигалиев, 12.04.1984 г.).

Вторичное обследование памятника состоялось в 1987 г. в ходе Западно-Казахстанской этнографической экспедиции (= ЗККЭАЭ) ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР, когда наряду с посещением и фотофиксацией мавзолея и бейита был осуществлен сбор историко-этнографических сведений о памятнике и о самом Алмате Тобабергенулы, которые были предоставлены его внуком, жителем пос. Ыргыз Махановым (Макановым) Рахией/Рахи (Рақи) из рода шомекей–бозгыл (1924 г. р.). Эти весьма ценные сведения по биографии эпонима, истории создания мавзолея и его функциональной атрибуции использованы в настоящей статье.

Руководителем работ С.Е. Ажигали были опубликованы первичные сведения об этом замечательном памятнике (Аджигалиев, 1988; Аджигалиев, 1989: 302–303; Ескерткіш..., 1992: 95–96-бб.), частично были обнародованы и некоторые данные по эпиграфике мавзолея (Аджигалиев, 1994: 47 (рис. 2 а–б), 52–53). Затем статья об Алмат-тамы была размещена в национальной энциклопедии «Қазақстан» (Әжіғалиев, 1998: 277) и, наконец, в авторской монографии «Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии...» начала 2000-х гг., в которой был дан архитектурно-типологический анализ уникального мемориального сооружения (Ажигали, 2002: 196–197, 199 (рис. 257), 200 (рис. 258), 274–275). Памятник был отнесен к усложненному подтипу «многокамерных мавзолеев радиальной композиции», наследующему структурно-планировочные признаки ранних культовых и погребально-культовых сооружений приаральско-сырдарьинского региона: мавзолей Баланды II, культовое здание Баба-ата и др. (Ажигали, 2002: 276 (рис. 299), 277). Сведения об уникальном памятнике, в том числе ранние его фотофиксации, публиковались и в более поздних работах автора (Ажигали, 2015: 39, 41).

Таким образом, на начальном этапе исследования мавзолей Алмат-тамы – имеется в виду его натурное обследование 1980-х гг. и последующие публикации –, как видим, был изучен и обнародован вполне достаточно. А именно в плане адекватной общественной оценки незаурядного памятника и определенного решения специалистами вопросов сохранения, консервации и реставрации постепенно разрушающегося сооружения. Тем не менее, долгие годы специализированными государственными органами и учреждениями по охране памятников (прежде всего, объединением «Казреставрация») не обращалось внимания на этот редкостный памятник, как, впрочем, и на многие другие сооружения и комплексы степной зоны Казахстана.¹ Несмотря на очевидное первостепенное значение мавзолея Алмата как образца народного зодчества (в том числе являющегося уникальным представителем т. н. «кирпичного стиля» конца XIX в. – см. ниже), как важного историко-культурного объекта (в связи с многогранной личностью самого Алмата Тобабергенулы), этот памятник изначально состоял и до сих пор находится на местной категории охраны – совершенно незаслуженно. Это обстоятельство – вкупе с известными перекосами в деятельности наших охранно-реставрационных органов (в территориальном плане и в выборе объектов), а порой и с некомпетентностью специалистов – создавало выраженные сложности в решении вопросов по консервации или реставрации этого очень непростого (с сырцовыми конструкциями) памятника на профессиональном уровне.

В результате уже с середины 1990-х гг. местное население, потомки Алмата Тобабергенулы поднимали вопрос об охране и реставрации мавзолея, тогда как компетентные органы фактически не были осведомлены об этом уникальном памятнике. В это время ими было осуществлено ограждение бейита (кауыма), установлена памятная стела в честь «сардара Алмата»; краевед С. Оразымбетов опубликовал довольно содержательную статью о нем и его сыне «Алаштың Алматы мен Самыраты» (Оразымбетов, 1996). Впоследствии на кладбище появились новые захоронения, отмеченные крупными мемориальными формами из современного кирпича: два купольных мавзолея и несколько оград типа «төрткүлак» (одно из последних в 2016 г.). То есть на местном, региональном уровне велась работа как по пропаганде личности крупного деятеля XIX в., так и по вопросу о судьбе незаурядного памятника.² Поэтому в течение последнего полутора десятка лет, естественным образом, обострился

¹О серьезных недостатках в сфере изучения, учета, охраны и реставрации памятников Казахстана, и, прежде всего, обширной степной зоны нами указывалось неоднократно. Особые нарекания вызывало и вызывает отсутствие серьезных научно-методических основ в этой области, отсутствие координации специалистов, следование принципу «облегченной реставрации» на наиболее сохранившихся (но не наиболее приоритетных) сооружениях и т. п. (Ажигали, 2012: 20–21; Ажигали, 2017: 16–17 и др.).

²Здесь мы не останавливаемся подробно на данном моменте роста общественного интереса к личности Алмата Тобабергенулы и его мемориалу, наблюдавшегося в последние годы и нашедшего выражение в целом ряде публикаций и который заслуживает специального рассмотрения. Отметим только, что в 2022 г. его правнуком Романом Рахиулы была подготовлена и издана большая книга материалов об Алмате, его потомках и мавзолее (Алаштың..., 2022).

вопрос о сохранении, консервации/реставрации уникального памятника, который никак не мог быть решен на местном, областном уровне (вопреки вышеотмеченному неадекватному статусу объекта), или усилиями энтузиастов-непрофессионалов, что, к сожалению, встречается нередко в казахстанской практике последнего времени.

О необходимости проведения серьезных изысканий и работ по доисследованию, консервации и реставрации мавзолея Алматы Тобабергенулы в последние годы неоднократно говорилось и одним из авторов этой статьи. В частности, в одном из материалов, опубликованном в 2014 г. в газете «Актюбинский вестник», писалось: «...Долгие годы не уделяется внимания уникальному для степного региона многокамерному мавзолею Алматы Тобабергенулы в Иргизском районе. Охранно-реставрационные организации избегают иметь дело с такими “неудобными объектами” с многочисленными разрушениями и находящимися в отдаленных местностях. Думается, так обстоит дело и во многих других районах степного Казахстана, и мы находимся в преддверии исчезновения самобытного пласта нашей культуры (имелось в виду плачевное состояние, с примерами, целого ряда других разрушающихся памятников – С.А.)» (Ажигали, 2014). В практическом плане вопрос реставрации мавзолея созрел только в последние годы и в 2019 г. памятник был включен в региональную программу по объектам сакральной географии Казахстана («Қазақстанның киелі жерлер географиясы»).

Осуществлять подготовку проекта реставрации памятника взялась ТОО «Специализированная проектно-реставрационная фирма «Кумбез», под руководством архитектора Т.Н. Турекулова. В 2020 г. он был подготовлен и включал в себя проектно-сметную документацию – прежде всего, на основе натурного обследования памятника: краткие сведения о мавзолее, расчеты, обмерные чертежи, графические предложения по консервации/реставрации, фотофиксации и др. (Научно-проектная..., Т. I, 2020а; Научно-проектная..., 2020б). В целом, при общем взгляде, проект представляется, как бы, вполне приемлемым, адекватным, хотя и сугубо технологичным, – и в нем, в частности, присутствовали позитивные установки: «...частичное восстановление первоначального облика здания до научно доказуемого уровня – на высоту до 3 м...», «невозможность восстановления куполов на данном этапе», «восстановление обрушенной ... кирпичной кладки стен с использованием сохранившегося в завалах материала оригинала (до 70 %)». Сразу же бросались в глаза отрывочность сведений по истории памятника, фактическое отсутствие необходимой исторической справки по объекту.

Более детальное ознакомление с материалами разработки и последнее натурное обследование мавзолея выявили существенные недостатки проекта. Пояснительная записка свидетельствует о недостаточно концептуальном (свободном) подходе к реставрации памятника, а представление авторов проекта о мавзолее видится отнюдь не полным, и в некотором отношении поверхностным. В частности, судить об этом позволяет тот факт, что мавзолеем определен ими как «портально-купольная постройка», а вход в него, соответственно, как «портал» (Научно-проектная..., Т. I, 2020а, пункт 1.2, л. 6). Однако вполне очевидно, что вход в сооружение, находящийся у правого угла северо-западного фасада, выполнен в виде узкого арочного прохода, он скромный, малозаметен и никак не может претендовать на это громкое название, предполагающее парадность, наличие выступов пилонов, П-образной рамы и т. д.

Существенным недостатком проекта являлось то, что не были проведены необходимые архивно-библиографические изыскания и вследствие этого отсутствовала должная историческая, историко-архитектурная справка по памятнику (облик которого по многим параметрам оставался неясным: купольные перекрытия, функции камер и др.). Правда, в пояснительной записке упоминается факт изучения истории отделки мавзолея (пункт 2, л. 8), однако никаких подтверждений ему нет. Не вполне профессиональной видится и замена библиографических выписок о памятнике описаниями человеческих качеств и достоинств эпонима. Иными словами, представленный проект реставрации не во всем был бесспорен и требовал дополнительной проработки, поскольку в основе научной реставрации лежит полноценное исследование и максимальное обоснование проектных решений. При всём при том этот исключительно самобытный памятник мемориального зодчества в целом оставался обследованным отнюдь не полностью – как с позиций его архитектурного строя, функциональной структуры, анализа декора, так и исторических данных. Кроме того, не было проведено обсуждения проекта и дальнейшей судьбы этого уникального памятника среди специалистов.

Таким образом, дальнейшее продвижение охранно-реставрационных работ по памятнику (в конце 2021, начале 2022 гг.) встретило определенные возражения специалистов. После проведения «архитектурно-археологической расчистки завалов вокруг и внутри памятника» (раскопок) в конце

апреля – начале мая 2022 г. (рук. археолог А. Мамедов), в результате которой раскрылись многие элементы структуры сооружения в интерьере (еще более свидетельствовавших о его уникальности), по настоянию одного из авторов настоящей статьи (С.А.), дальнейшие практические работы на мавзолее были приостановлены. Было предложено провести расширенный научно-методический совет с приглашением специалистов, который прошел 29.06.2022 г. в г. Алматы в Институте истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова в составе выездной группы специалистов из г. Актобе и алматинских участников.³ В результате весьма острой дискуссии были приняты решения по срочному доисследованию мавзолея Алмат-тамы в раскрытом виде (детальные обмеры, фотофиксация и т. д.), проведению архивно-библиографических изысканий для возможного решения вопросов по перекрытиям памятника, осуществлению историко-архитектурных аналитических изысканий (пропорциональный строй, возможная 3D-реконструкция). В целом было решено завершить реставрационно-консервационные работы на памятнике, на основе всего комплекса исследований и обоснований, в 2023 г. Вместе с тем, авторы проекта настаивали на завершении запланированных на этот год работ на памятнике.

Таким образом, в июле–августе т. г. был осуществлен первый этап ремонтно-реставрационных работ, согласно первоначальному проекту реставрации мавзолея (Научно-проектная... , 2020б, л. 6 сл.). Мероприятия – которые проводились реставрационной организацией ТОО «Туран» (г. Караганда) – заключались в устройстве по всему периметру здания рубашечной кирпичной обкладки (фактически это стены, которые трудно назвать облицовкой) на значительную высоту, сразу же превратившие старинный памятник в современное сооружение, «новодел». Решение весьма спорное само по себе (и не согласованное с учеными-специалистами по памятнику, то есть до полного изучения архитектурного и декоративного строя мавзолея), да и выполненное в современной стилистике и, как видно, приостановленное, не завершённое.

И, наконец, в сентябре 2022 г. было осуществлено натурное обследование мавзолея Алмата Тобабергенулы, в котором участвовали архитектор Турганбаева Л.Р., этноархеолог Бекназаров Р.А. и др. специалисты. Были проведены обмерные работы на раскрытом памятнике, фотофиксация, глазомерная съемка плана кладбища и др. Дальнейшая архитектурная характеристика мавзолея Алмат-тамы основывается, преимущественно, на материалах нового обследования.

Краткие исторические сведения. Кладбище Алмат-тамы возникло в 30-х гг. XIX в. как фамильный бейит одного из семейств казахского рода шомекей, подразделения бозгыл–шобдар, издавна кочевавшего в Северном Приаралье и ставшего впоследствии известным как «клан Тобабергеновых». Дед и прадед Алмата (Киикбай, Алибек) были батырами; а одним из первых на кладбище был похоронен его отец Тобаберген Киикбайулы (1766–1841): опытная сырцовая ограда с кулпытасами (Рис. 1–4). Алмат Тобабергенулы (годы жизни: 1804–1892, либо 1893-й) являлся крупным общественным, культурным деятелем, чиновником; в молодости активно участвовал в посреднической караванной торговле между Бухарой и Россией, рано приобщился к русской культуре и языку. «Проводник Альмат» участвовал в экспедициях П.И. Демезона, И.В. Виткевича (Записки..., 1983: 28, 29, 34, 127) и за содействие в работе первой из них в 1834 г. был награжден В.А. Перовским «серебряной медалью на анненской ленте и саблей» (Записки..., 1983: 10). Он был знаком также с художником В.В. Верещагиным и многими др. историческими личностями того времени – как из казахской, так и русской среды. Алмат являлся родопрарителем большой группы ыргызских казахов, до 1868 г. – начальником 54-й административной дистанции, имел офицерское звание зауряд-хорунжего, в народе носил титул сардара.

Как прогрессивный для своего времени деятель, Алмат Тобабергенулы был активным сторонником перехода кочевников-казахов к полуоседлому и оседлому образу жизни. Им были построены несколько капитальных кирпичных и деревянных домостроений-усадеб на Ыргызе. Являясь крупным скотовладельцем, в то же время в своей многогранной деятельности учитывал интересы простых скотоводов (шаруа) и пользовался уважением в народе. Состоял в родственных связях с известным казахским батыром Есетом Котебарулы (*құда*: сват). Думается, образованность и креативность Алмата сыграли свою роль и в формировании облика самобытного мемориального сооружения, в архитектуре которого явно прослеживаются влияния памятников на древних протоках Сырдарьи (Баланды и др.), виденные им. Согласно семейной легенде, строительство Алмат-тамы

³Отметим, что в работе совещания принимали участие, в частности, с актюбинской стороны: руководитель Управления культуры, архивов и документации Актюбинской области А.Ю. Юнисова, д.и.н., этноархеолог Р.А. Бекназаров, директор Актюбинского Центра исследования, реставрации и охраны историко-культурного наследия Ф.С. Досмуратов и др.; алматинские специалисты: д.и.н., профессор С.Е. Ажигали, президент фонда «Союз реставраторов» Туякбаев К.К., д-р архитектуры Л.Р. Турганбаева, директор фирмы «Кумбес» Н.В. Турекулова, архитектор-реставратор Агитаев С.С.

осуществлялось народным зодчим Жига («из района Казалы, Кармакшы») по заказу старшего сына Алмата – Самурата, причем завершилось оно еще при жизни родоправителя, где-то в 1886–1888 гг.

В течение длительного времени, с конца XIX в. и до 60-х гг. XX вв., многокамерный мавзолей Алмата (как фамильно-родовой «склеп») в полной мере выполнял свою погребально-ритуальную функцию: в нем были похоронены более 20 человек из «клана Тобабергеновых»⁴. Центральный зал и 5 радиальных камер были предназначены для самого Алмата и его сыновей (от входа слева направо, по кругу: для Космурата, Прмахана, Самурата, Торемурата, Макмурата). Причем первым в мавзолее был похоронен не сам эпоним, а его сыновья Космурат и Прмахан, которые умерли во время постройки мемориала (инф. Маханова Рахия, 1987 г.); а Самурат – старший сын Алмата – был похоронен в 1922 г. ок. ж/д ст. Байгожа (Кызылординская обл.). Весьма интересным являлся обряд захоронения, связанный с самобытным мемориально-культовым сооружением и отражающий архаичные ритуалы, напоминающие зороастрийские (маздаистские) традиции, имевшие распространение в Южном Приаралье с древности. При подхоронении очередного умершего в склепах камер кости предыдущего сдвигались в кучку в угол помещения и на освободившееся место клали тело покойника. По словам Р. Маханова так было в 1957 г., когда в центральном склепе подхоронили Кани – старшего брата информатора, который сам участвовал в обряде погребения: кости Алмата сдвинули и рядом положили тело умершего.

Кроме того, немалое число захоронений (несколько десятков) обнаруживается и на кладбище (*қауым*), где в наличии около 50 надмогильных сооружений: как старых – в виде оплывших сырцовых оградок, так и современных – мавзолеев и саганатамов. Не затрагивая здесь детально вопрос по истории «қауыма», реестра захоронений и т. п. (что является предметом отдельного изучения), отметим, что важное значение в этом плане имеет надмогильное сооружение, расположенное в 10–15 м к юго-востоку от основного мавзолея и которое выделялось при обследовании 1983 г. (объект № 2). Это остатки оплывшей прямоугольной в плане сырцовой оградки, с западной стороны которой лежали остатки 3-х полуразломанных кулпытасов. Как показало чтение арабографичных эпитафий на них, осуществленное нами (С.А.), здесь были захоронены: средний кулпытас – отец Алмата «Тобаберген Киикбай баласы» (умерший в 1841 г. в возрасте 75 лет), дочь Алмата Алтынай, «Қырай Рақия қызы» (чтение уточняется); южный кулпытас – сын Алмата Ермурат, дочери Алтын, Маржан; северный – сын Алмата Кожамурат. Все вышеуказанные дети умерли в малолетстве. В целом история родового кладбища, как видим, достаточно интересна и показательна (в том числе в этнокультурном, социально-демографическом плане).

Исследование архитектурного строя мавзолея. Как уже отмечалось выше, мавзолей Алмат-тамы является одним из выдающихся образцов казахского мемориального зодчества конца XIX в. Отмечая уникальное архитектурно-планировочное решение памятника, особо следует отметить, что в нем ярко воплотились стилистические тенденции народной архитектуры последней четверти этого столетия, выраженные в так называемом «кирпичном стиле» и более известные по гражданским сооружениям на рубеже веков: здания вокзалов, водокачки, жилые дома и т. д. Это явление, вызванное, по нашему мнению, прежде всего, культурно-политическими влияниями эпохи колонизации, а также особенными свойствами, устремлениями казахского творческого класса к новациям, нашло отражение и в мемориальной архитектуре Арало-Каспийского региона. Наряду с рассматриваемым памятником, это целая «ассоциация» самобытных мавзолеев 2-й половины (конца) XIX – начала XX вв. в том же бассейне Ырғыза (памятники Назар-тамы, Кепер-тамы, Байгабыл-тамы, Нурсейита и др.) – в целом синхронных изучаемому нами мавзолею (Ажигали, 2002: 196–199 – рис. 252, 253, 255, 256); но также и заметная группа саганатамов и мавзолеев (не менее 10 сооружений) конца XIX – начала XX вв. в

⁴При атрибуции захоронений мы в основном опираемся на наши опросные сведения, выявленные у внука Алмата Тобабергенулы Маханова Рахия и записанные в 1987 г.; сведения, собранные его сыном Романом Рахиевым и опубликованные в книге материалов «Алаштың Алматы мен Самұраты» (Алаштың..., 2022: 148–149 и др.); а также наши изыскания по эпиграфическим памятникам комплекса. Указываются следующие захороненные в мавзолее (помимо самого Алмата): Космурат Алматылы (1851 г. р.), Прмакан Алматылы (1872 г. р.), Торемурат Алматылы (1852–1932 гг.), Макмурат (Макан) Алматылы (1864–1933 гг.), Ермахан Космуратулы (1878–1919 гг.), Абсалям Торемуратулы (1885–1920 гг.), Абубакир Космуратулы (1885–1960 гг.), Халык Маканулы (1893–1945 гг.), Кани Маканулы (1905–1957 гг.), Пану Маканулы (1920–1933 гг.), Какима Маканулы (1926–1933 гг.), Ерболат Рахиулы (1948–1949 гг.), Райса Рахиулы (1950–1952 гг.), Кошау Халыкқызы (1916–1949 гг.), Дильда Алдеберлиқызы (1867–1918гг.), Шырай Мырзагулқызы (1889–1932гг.), Канымша Сатбайқызы (1892–1948гг.), Шаукен Аппазқызы (1898–1918 гг.), Балиса Данекерқызы (1902–1932 гг.), Мынгой Калабайқызы (1905–1960 гг.). Кроме того, по нашим данным (обследование 1983 г.) в мавзолее, вероятно, похоронен и «Келдібай Ерке баласы», умерший 1863 г. в возрасте 37 лет (шомекей–каратамыр), кулпытас которого ранее стоял у северо-восточного угла сооружения (впритык) (Рис. 2–4, справа).

весьма отдаленном районе Северного Устюрта (Донызтау), причем, нередко, с применением «солдатского кирпича» (там же: 101–102, 122 – рис. 106, 107, 134) и др.

За более чем вековой период существования мавзолеев Алмата претерпел существенные изменения. Культурные наслоения скрыли нижние части памятника и значительно понизили его высоту. От неизбежных утрат пострадали, главным образом, верхние части сооружения, рухнули купола, оплыли стены, завален проход в юго-восточном углу, осыпалась ганчевая штукатурка и кирпичная облицовка, безвозвратно пропали какие-то детали внутреннего и внешнего декора; от них остались лишь контуры или углубления в кладке и фрагменты скульптурных звездчатых форм. Надо сказать, что при первичном обследовании памятника в 1983 г., исследователи застали мавзолеев еще сравнительно целым. Об этом свидетельствуют сделанные ими фотографии (Рис. 2; 3) и любительские снимки местного населения (1976 г.). Опубликованные затем публикации руководителя экспедиции С.Е. Ажигали (*см. выше*), содержали результаты натурального обследования мавзолея, общую его характеристику, наблюдения, а также и первичный типологический анализ сооружения. Кроме того, архитектором Т.Н. Турекуловым были сделаны обмерные чертежи плана (12,7 x 12,1 м) и эскизный разрез по поперечной оси памятника (сохранившаяся высота купола – 6,5 м), юго-западный фасад сооружения (Рис. 1–1–3).

Почти 40 лет спустя памятник вновь привлек внимание исследователей и, как уже указывалось выше, по заказу Управления культуры, архивов и документации Актыобинской области в 2020 г. проектно-реставрационная фирма «Кумбес» представила свой проект воссоздания былого облика мавзолея. Об этом проекте мы уже высказались выше и не будем здесь подробно останавливаться на нем. Следующими этапами исследования памятника явились археологические раскопки (конец апреля – начало мая 2022 г.) и первые реставрационные работы (*см. выше*). Снаружи раскоп проводился по всему периметру мавзолея на глубину 40–50 см, в результате чего был выявлен первоначальный абрис сооружения и его основание до уровня древней дневной поверхности. Во внутренней части памятника закладкой шурфов и снятием грунта послойно метрическими горизонтами по 10–15 см раскоп был доведен до уровня пола: расчищены арочные входы и надмогильные конструкции в камерах, выявлена вымостка (Рис. 4). Проект реставрации включал разборку деградированных участков кирпичной кладки, восстановление облицовки стен и свода входного коридора. Натурное обследование мавзолея (в сентябре) показало, что при проведении этих работ, кроме вышеописанных общих недостатков, был допущен ряд искажений: удлинение входного коридора на 50 см и сужение его – на 17 см; а также заметное упрощение рисунка декоративной кладки на юго-западном фасаде.

В целом, на основании указанных выше исследований и наших собственных наблюдений, облик мавзолея и процесс его создания можно представить следующим образом. Прежде всего, анализ обмеров показывает, что на сооружении лежит печать большой изобретательности. Его план в виде шестилепестковой розетки «вписан» в квадрат (размерами 15 x 15 м), с сеткой одинаковых квадратных ячеек (1,87 x 1,87 м) (Рис. 6–2). Этот модуль укладывается в проекции стен постройки 8 раз. С помощью этой системы пропорционирования план мавзолея Алмат-тамы выглядит законченным и гармоничным. Можно допустить, что она распространялась и на всю пространственную структуру сооружения. Но такой метод обязательно предполагает предварительный чертеж, проект, выполненный в определенном масштабе и детально разработанный. И хотя, скорее всего, разбивка контура постройки в натуральную величину производилась на строительной площадке, а инструментами служили веревки и колышки, вполне вероятно, что началу строительства предшествовало создание модели сооружения, на которой виден план мавзолея и пропорции его отдельных частей.

Все это говорит о том, что народный мастер-строитель (*тамшы*) Жига был профессиональным ремесленником, обладающим определенными знаниями и умениями. Можно только предполагать, что стоящую перед собой сложную задачу создания единого пространства, объединения нескольких погребальных камер и, как выяснилось, поминальной мечети, автор решал, исходя из значительной площади возвышающегося участка (это подтверждается былым наличием здесь триангуляционного знака), требований изоляции функциональных процессов и их определенности. Поэтому свой метод проектирования он основал на подчеркивании частей системы, четком разделении всех помещений на однородные функциональные группы, выделении ядра композиции и элементов функциональных связей (Рис. 6–1). Результатом явился простейший вариант приставления группы ритуальных помещений (сводчатый коридор, зиаратхана, лестница на крышу) к группе из шести примыкающих друг к другу погребальных камер с костехранилищами, выполненных в виде юртообразных построек типа «уйтам» – некий симбиоз казахских традиций с зороастрийскими и суфийскими культурами.

Причем в системе образов регионального архитектурного наследия, отсылающего к курганной традиции евразийских степей (Бегазы-Дандыбай, Центральный Казахстана, II тыс. до н. э.), протомавзолеям Восточного Приаралья (Баланды, Асар, Чирик, Бабиш-мулла, IV–II вв. до н. э.), святилищам сарматов (Кызылуйык, Байте: плато Устюрт, нач. I тыс. до н. э.), к наусам горных и предгорных районов юга Казахстана, в качестве определяющей выбрана связь с традиционным жилищем – юртой и планировкой казахского родового аула (типа «аула котан»).

Попытка совместить в одном объекте множество смыслов, функций и архитектурных тем (идея вертикали, идея главного фасада, идея сакрального пути, поклонение, поминовение и т. д.) привела к использованию смешанной схемы построения, сочетающей: 1) центрическую планировку, когда помещения сгруппированы вокруг общего центра, что предполагает подход к этому центру со всех сторон, 2) анфиладную планировку, где пространства и помещения как бы нанизаны на продольную ось, 3) репрезентативную симметрию, свойственную сакральным постройкам.

По объемно-пространственной структуре фамильная усыпальница Алматы Тобабергенулы представляет собой тип многокамерного купольного мавзолея, ориентированного михрабом на юго-запад. К устройству михрабной ниши мастер подошел довольно оригинально, поместив этот концентрированный символ мечети, ворота в идеальный мир святости на стыке двух символических «путей». Первый являл собой узкий сводчатый коридор–дромос вдоль юго-западного фасада (длина – 5,3 м, ширина – 0,79 м) с арочным клинчатым проемом, через который осуществлялся вход в сооружение с северо-западной стороны. Второй, ныне заваленный, – предположительно лестница на кровлю в виде наклонного сводчатого коридора, как бы вырубленного в массиве сырцовых кирпичей – еще один рудимент суфизма, игравший определенную роль в обряде погребения⁵. В плане это можно представить как круг с центральными осями, одна из которых ориентирована на Мекку. Вдоль второй оси (СВ–ЮЗ) зеркально располагаются указанные выше проходы, которые при пересечении с кругом как бы отсекают михраб. То есть михрабная ниша имеет редкую в регионе форму, вогнутую (ширина – 2,2 м, глубина – 0,55 м), это часть боковой поверхности цилиндрического остова (диаметр – 2,5 м) поминального помещения, вымощенного сырцовым кирпичом и перекрытого куполом сфероконической формы. На задней стене ниши, по центру (на высоте 1 м от пола) устроено небольшое вентиляционное отверстие (размером 12 x 17 см); по краям, на ее углах – довольно сдержанный декор в виде чередования выступающих и западающих рядов кирпича. Тот же прием использован при оформлении лежащего напротив ниши арочного входа в центральный зал.

Надо сказать, что весь этот блок ритуальных пространств, помещенный в продолговатый призматический объем сложен из сырцового кирпича (9 x 16 x 29 см) и облицован с обеих сторон – юго-западный фасад здания и внутренние стены коридора – обожженным (7 x 14 x 26 см). Причем, с внешней стороны на фасаде, местонахождение михрабной ниши подчеркнуто небольшим выступом.

Вторую, большую, часть этого сложного мемориально-культового комплекса представляет группа погребальных камер, в которые попадают из вышеописанной входной части, именно небольшого округлого помещения (совмещенного с михрабом), для совершения также и поминальных молитв – зиаратханы (Рис. 5–1). Узкий арочный проход (ширина – 0,7 м, длина – 0,8 м), расположенный на оси михраба, ведет в круглое в плане помещение, центр которого занимает большое восьмигранное надгробное сооружение типа сагана (размерами 3,3 x 3,5 м), прежде перекрытое куполом (Рис. 5–2; 6–3). При закладке шурфов выяснилось, что его кирпичные стены, с довольно выразительным внешним ступенчатым профилем, опущены в котлован, уровень которого гораздо ниже заглубленного пола усыпальницы (Рис. 5–2). По словам информаторов, в сагане покоятся останки родоправителя. Этот факт находит близкие параллели в синхронных памятниках Казахстана: центральное погребение главы семьи характерно для фамильных склепов Центрального Казахстана (мавзолей Айранбая – «Бескумбез», Косыбай Кара в долине р. Каракенгир, Токсана в горах Коянды, Улытау), сагана – по форме, размерам и отделке имеет сходство с надгробием бая Косамана из рода торткара (ок. пос. Кішіқұм в Северном Приаралье, 2-я четверть XIX в.).

Роль композиционного и символического центра мавзолея оправдывает и пространственный размах центральной усыпальницы (около 6 м в диаметре, 6,5 м сохранившейся в 1983 г. высоты) с трехъярусным построением внутреннего пространства (Рис. 3–2). Нижний ярус стены, выполненный в трехслойной панцирной технике на высоту около 3 м, по периметру, равномерно (на расстоянии 2,2–2,5 м) прорезан шестью арочными входными проемами в примыкающие камеры. Образовавшийся

⁵В данном планировочно-функциональном отношении структура нашего памятника явно перекликается с планировкой культового здания VII–VIII вв. на городище (цитадели) Баба-ата на северных склонах Каратау (Ажигали, 2002: 276 (рис. 299, 2–3); там же ссылка на исследования).

пояс круговой аркады – главной достопримечательности интерьера и мавзолея в целом – выполняет двоякую функцию. С одной стороны, он является продольной диафрагмой жесткости корпуса главной усыпальницы, с другой – придает купольному залу парадность. В этом велика роль оригинальной конструкции клинчатых арок, дугообразные перекрытия которых шире проходов, поэтому их основания как бы покоятся на полочках и подпираются лекальными кирпичиками в форме четверти диска. Кроме того, арки обрамлены ступенчатыми архивольтами полуциркульного очертания в виде трех рядов кирпичей, уложенных плашмя. Украшенные таким необыкновенным образом, эти элементы архитектурного убранства производят странное и сильное впечатление.

Средний ярус помещения образует широкий ганчевый фриз на сырцовой кладке. Его пять горизонтальных поясов как бы «прослаивают» верхнюю часть стены – три узких тяги в виде зубчатой каймы перемежаются с двумя широкими полосами. Узор верхней из них, размещенной на уровне псевдобарабана, был основан на ритмическом чередовании 20 прямоугольных штампованных ганчевых плит (размером 65 x 54 см) с многолучевыми розетками в центре; они прибиты к стене большими железными гвоздями (длина – 20 см) (Рис. 3–2). Ранние фотофиксации и натурные наблюдения показывают, что между плитами, на поперечной оси помещения, прежде располагались два оконных проема, перекрытые деревянными перемычками, а на продольной – две ниши; то есть в каждой четверти пояса было по 5 плит. В нижнем широком поясе повторялись своеобразные метопы с вертикальными В-образными выступами-консолями; они образовывали карниз с небольшим выносом, на который опирался псевдобарабан. Отметим также множество фрагментов алебастровых налепов (зубчатые уголки, звездчатые формы и пр.) в завалах, которые, вероятно, участвовали в композиции фриза и теперь нуждаются в тщательном изучении.

Верхний ярус главной усыпальницы представлял купол – небосвод со световым отверстием кочевого жилища. Торжественное величие ему прежде придавали белизна алебастровой штукатурки и, по словам информаторов, зенитный замок в виде колеса от повозки. О характере построения дуги купола некоторое представление дают материалы обмеров 1983 г. Проведенная на их основе графическая реконструкция предполагает одинарный купол с аркой, построенной путем пересечения отрезков циркульной кривой, центры которой расположены от оси на половине полупролета.

Помещения, которые группируются вокруг главного зала, имеют значительно меньшую площадь. Четыре из них – круглые в плане (диаметр – 2,5 м), размещенные попарно и симметрично по сторонам от продольной оси с северо-западной и юго-восточной стороны сооружения – абсолютно одинаковы и по форме, и по размерам. Это позволяет допустить, что в них покоятся останки указанных на адресной плите четверых сыновей Алмата Тобабергенова со своими отпрысками. Глядя на эти объемные формы, приходишь к выводу, что, фактически, перед нами традиционные казахские однокамерные центрические мавзолеи с круглым планом, только ориентированные входами на центр. Если присовокупить сюда установленные в них костехранилища, то напрашивается определенная параллель с наусами «ульеобразной» формы в долине р. Ангрэн (на северо-восток от городища Киндык-тепе).

Технологически конструкция малых камер имеет то же устройство, что и у центральной усыпальницы: в качестве фундамента выступает заглубленная кирпичная кладка, нижняя часть их остовов (на высоту 1 м) возведена из обожженного кирпича, выше – из сырца с наклоном и сужением кверху, постепенно приближаясь к форме свода с округлым люком в зените. По сведениям информаторов, оштукатуренные и побеленные стены погребальных камер ранее были покрыты арабграфичными сурами из Корана. Почти всю площадь этих помещений, несколько заглубленных относительно пола арочных проходов, занимают кирпичные надгробия (размерами 2,1 x 1,25 м; 2,2 x 1,8 м), внутри – сводчатые, снаружи – ступенчатые, тщательно обмазанные глиной. Их низкие входы (скорее, лазы), закрытые деревянными дверцами, тоже ориентированы на склеп главы семьи.

Пятая камера, подквадратная в плане, лежащая на продольной оси, главенствует на северо-восточном фасаде. Среди других рядовых усыпальниц она выделяется не только формой, но более крупными размерами (3 x 3,2 м) и декором. Ее объемно-пространственное решение аналогии находит в «мугхана» горных областей Средней Азии, с их квадратными камерами, взятыми как бы в наружный круглый футляр. Однако анализ внутренней архитектуры показывает, что здесь нет видимой границы между квадратом стен и куполом. Пространство помещения воспринимается как восьмиугольная призма с угловыми перспективными треугольными нишами с заостренным завершением. Такой же рисунок, но более вытянутый имеют промежуточные ниши в стенах. В верхней части его остова сохранились остатки консольного карниза, аналогичного отмеченному выше на фризе центрального зала (не исключено, что этот выступ также обрамлялся зубчатыми алебастровыми поясками). Когда-то он сообщал маленькому внутреннему пространству камеры стройность и подчеркнутую

устремленность вверх, к купольному венчанию с ганчевой облицовкой. Все обозначенные выше признаки интерьера, а также довольно крупные размеры (2,3 x 1,7 м) надгробия–сагана наводят на мысль, что данный склеп предназначался для погребенного с особым статусом: первоначально она предполагалась для старшего сына Алмата – Самурата, который, однако, был погребен в другом месте, на Сырдарье; здесь же затем были захоронены другие индивиды.

В контрасте с интерьерами камер выглядит мощь внешних архитектурных форм. Сложная планировочная структура дала сложную объемную форму, отличительными признаками которой являются многокупольность (7 куполов) и иерархия как основа мироздания – большой купол с уступчатым силуэтом символизировал Алмата Тобабергенулы, за ним следовал купол подквадратной торцевой камеры, ниже располагались четыре одинаковых по высоте купола малых камер и самым приземистым был купол зиаратханы. Этот художественный прием сообщал фасадам пластическую и ритмическую выразительность. С одной стороны в них отчетливо выражено продольно-осевое построение плана, его монументальная симметрия, с другой – все они центрированы главным куполом (Рис. 6–1).

Как видим, поиск нестандартного композиционного решения, при сохранении традиционных архитектурных форм, привел к комбинированию однокамерных центрических мавзолеев типа «уйтам» в горизонтальной плоскости и сближению их вертикальных осей. Ввысь камеры могли устремляться самостоятельно, но на земле их объединяло общее основание. Для усиления жесткости и структурной целостности сооружения мастер зафиксировал замкнутой линией его фигурные очертания, создав по периметру мощный армопояс из обожженного кирпича. Налицо использование народного опыта – обкладывания основания юрты пластами дерна от промерзания.

Естественно, при активной роли объемной композиции мавзолея на второй план отошли его архитектурные детали. Тем не менее, они во многом определяли масштабный строй памятника. Поразительную органичность ему, например, сообщала господствующая на фасадах эстетизированная фактура комбинированной кладки из сырцового и красного обожженного кирпича. Особенно эффектным был юго-западный фасад, строгий по членениям и затейливый в деталях, который выполнен в модном в тот период «кирпичном стиле», с использованием фигурной кладки, лекальных плиток, сложных профилированных карнизов, лопаток, ниш, арочек. Зодчий не просто блестяще справился с архитектуроникой гладкой стены – в условной манере, с помощью рельефа и декоративной кладки он предьявил на лицевой парадной плоскости внутреннее содержание мавзолея, спроецировав на выступ михраба из центра лежащие на главной оси арки центральной усыпальницы.

Таким образом, проведенное исследование мавзолея Алмат-тамы показывает, как из неясного нагромождения форм, некой группы из массивных объемов, возвышающихся над степью, постепенно проявился великолепный памятник, эффектный, декоративно и пластически. По своему художественному и историческому значению, уникальности архитектурных форм и приемов, логике архитектурной организации и конструктивному решению он, бесспорно, занимает одно из ведущих мест в истории архитектуры Казахстана. Художественные возможности жженого кирпича нашли в нем свое совершенное воплощение. Признанный лидер мемориальной архитектуры Северного Приаралья, мавзолеем, как ни странно, не вызвал прямых или косвенных подражаний и остался уникальным явлением, в котором сумма образов, рожденных предшествующей эпохой, перешла в новое качество, была органически усвоена и введена в контекст национальной культуры.

Безусловно, уникальное историко-культурное и архитектурное значение этого замечательного памятника ставит перед авторами проекта реставрации, органами охраны и реставрации задачи высокой значимости по сохранению аутентичного облика уникального мавзолея Алмата Тобабергенулы, недопущению искажения его форм и деталей (которые наблюдаются уже на начальной стадии охранно-реставрационных работ), перманентного авторского надзора и согласования проводимых мероприятий со специалистами по истории народного зодчества, первооткрывателями и исследователями памятника.

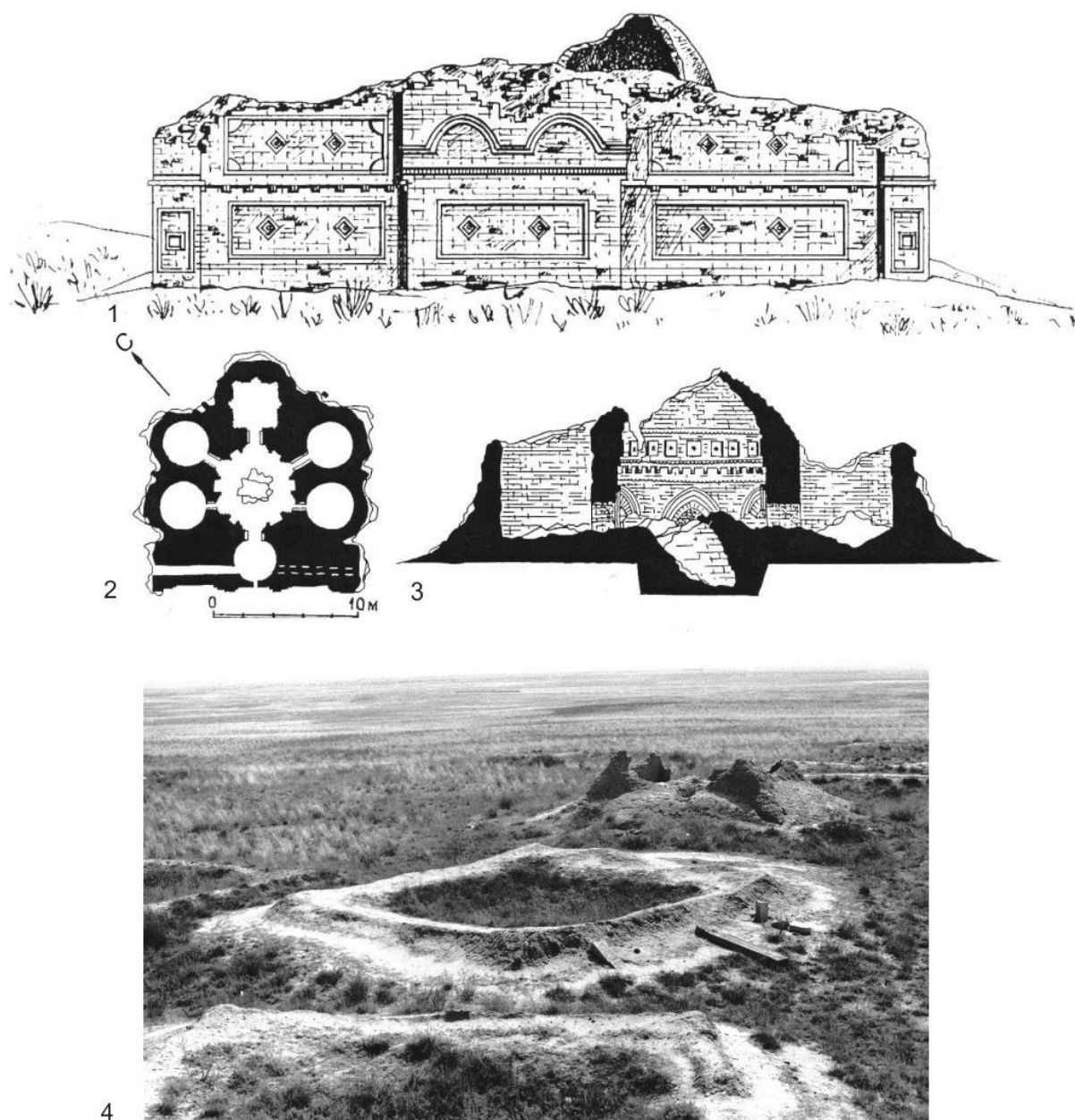


Рис. 1. Исследование кладбища и мавзолея Алмат-тамы 1983 г.: 1 – юго-западный фасад мавзолея (с элементами реконструкции); 2 – план; 3 – разрез. *Обмеры архит. Турекулова Т.Н.*; 4 - вид на надмогильную оградку Тобабергена и др. погребенных (в центре) с кровли мавзолея Алмат-тамы, с северо-запада. *Фото С. Ажигали*

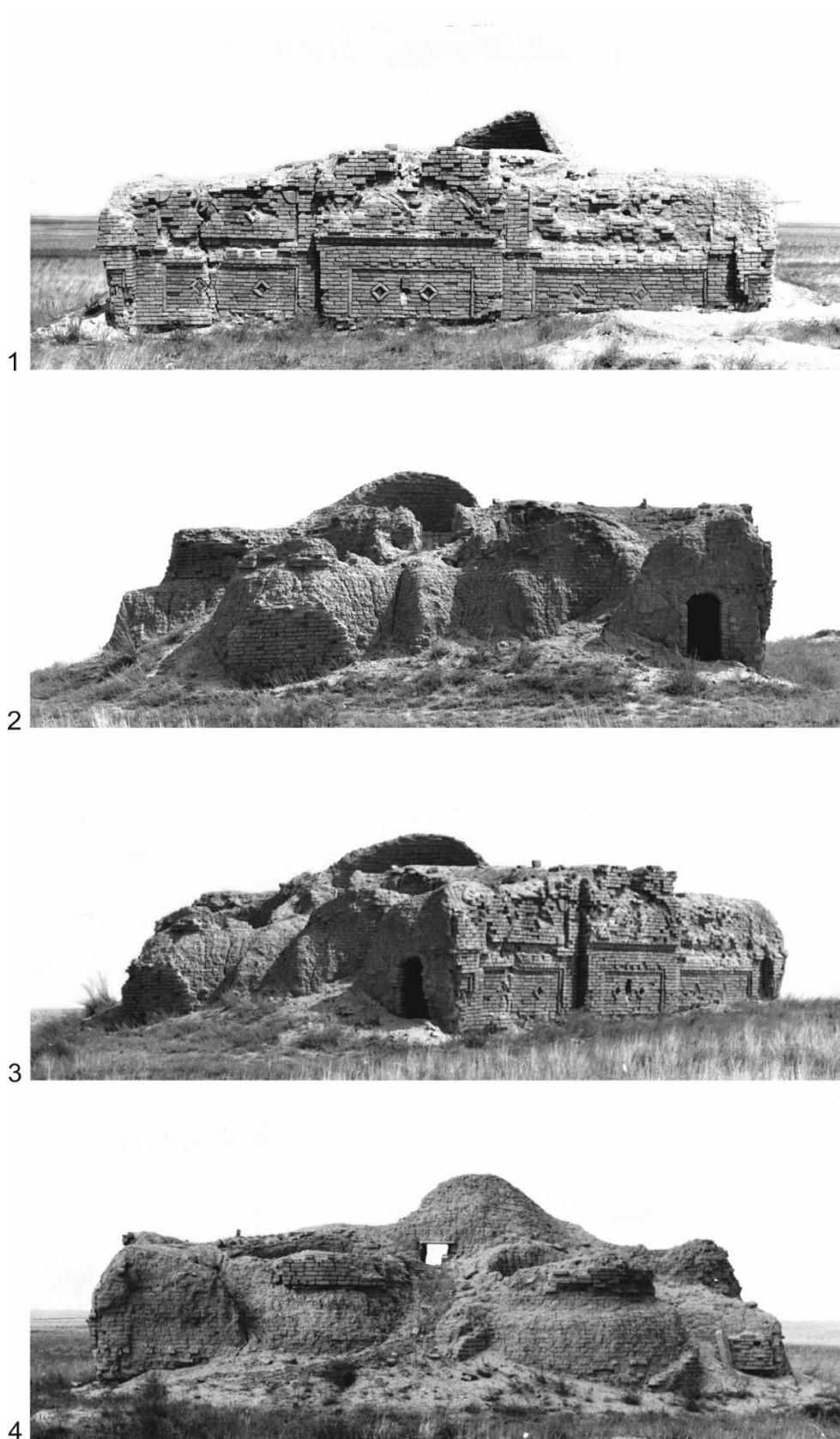
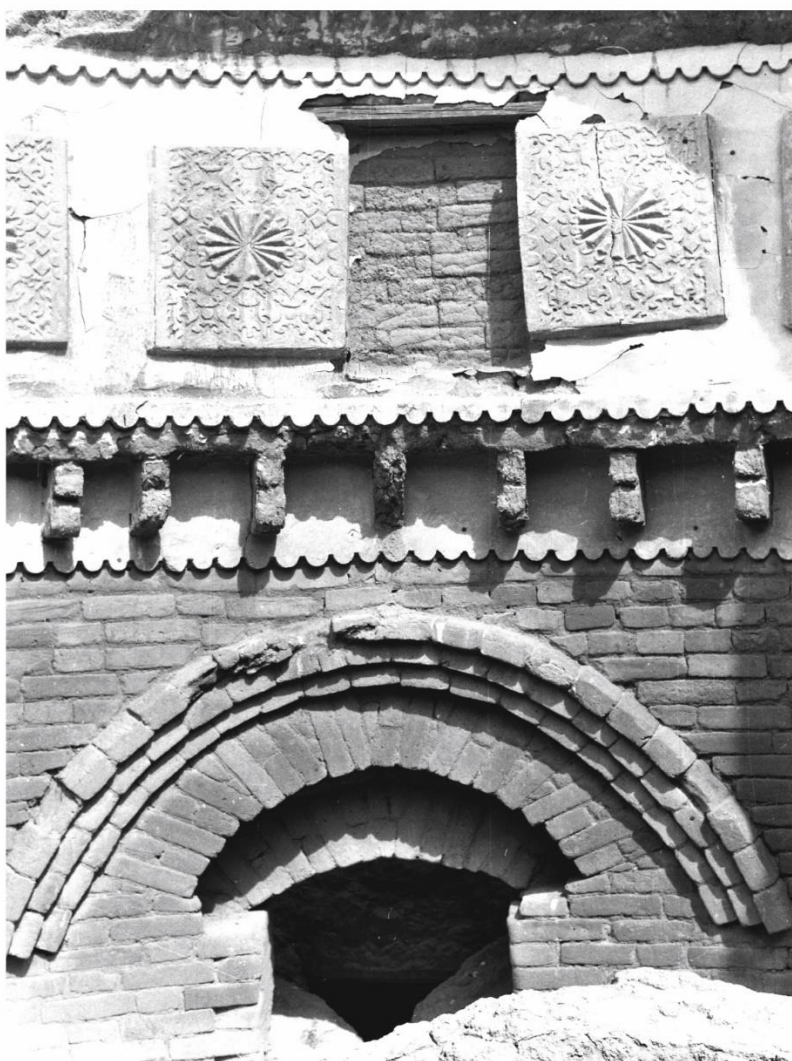


Рис. 2. Фотофиксация мавзолея Алмат-тамы. 1983 г.: 1 – юго-западный фасад; 2 – северо-западный фасад; 3 – общий вид с запада; 4 – юго-восточный фасад. Фото С. Ажигали



1



2

Рис. 3. Мавзолей Алмат-тамы. Интерьеры: 1 – северо-восточная камера (вид стрельчатых ниш и декоративного пояса); 2 – центральный зал, арка-проход (с архивольтом) в боковую камеру и декоративный фриз-карниз: пояс лекальных кирпичей («сухариков») и штампованных ганчевых плиток. Фото С. Ажигали



Рис. 4. Фотофиксация семейно-родового кладбища и мавзолея Алмат-тамы (дрон). 2022 г.: 1 – общий вид бейита (*қауым*) сверху, с юга; 2 – общий вид раскрытого мавзолея после раскопок-расчисток сверху, с севера; 3 – вид центрального зала мавзолея после расчисток сверху, с севера; 4 – северо-восточная камера мавзолея после расчисток, *ортогональное фото сверху*.



Рис. 5. Фотофиксация интерьеров памятника, 2022 г.: 1 – вид с юго-востока на арочный вход-проход в мавзолей из промежуточной камеры с михрабом; 2 – вид центрального зала с надгробием типа «сагана» из промежуточной камеры; 3 – надгробие-сагана в восточной камере.

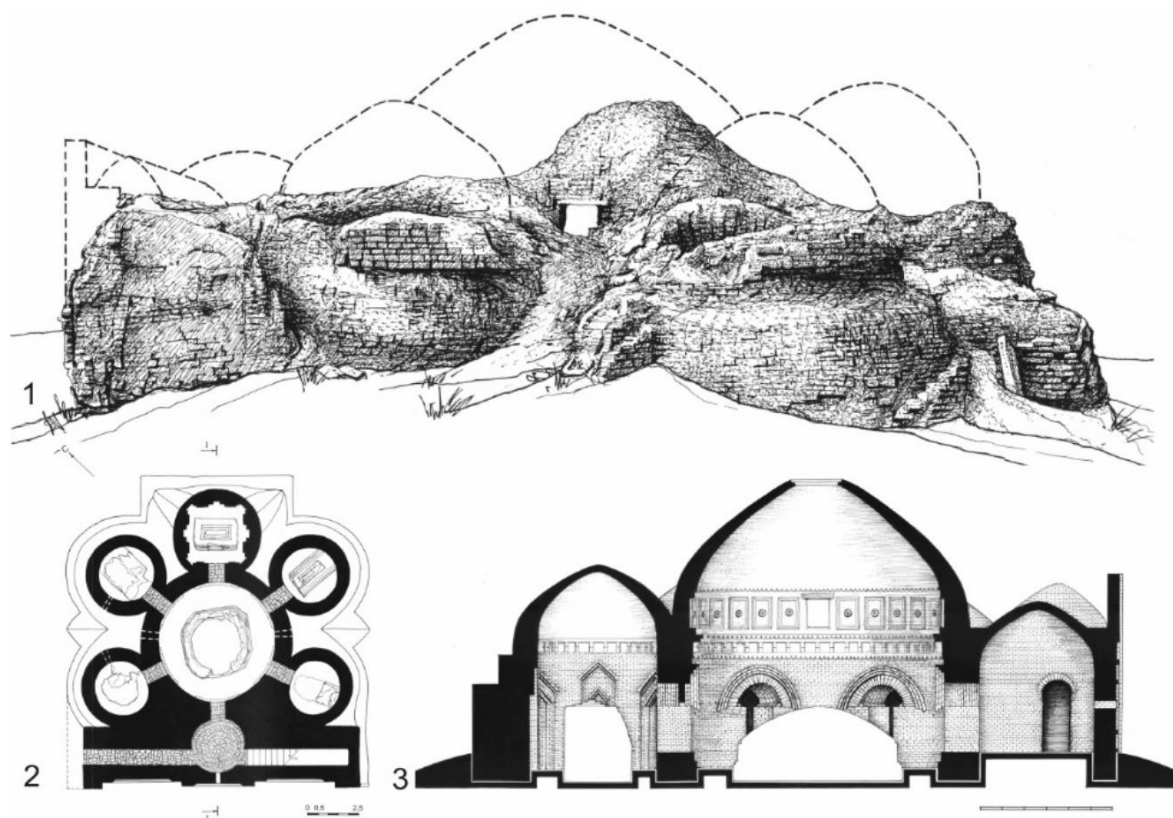


Рис. 6. Мавзолей Алмат-тамы, обмерные чертежи и фасад памятника: 1 – юго-восточный фасад (вид) памятника, с восстановлением несохранившихся объемов; 2 – план; 3 – разрез. *Обмеры и зарисовка архит. Турганбаевой Л.Р., сентябрь 2022 г.*

Список литературы

- Аджигалиев С. Зодчество Арало-Каспия: ареал, хронология, традиции // Памятники истории и культуры Казахстана: Сб. Центр. Совета Казахского общества охраны памятников истории и культуры. Алма-Ата, 1988. Вып. 3. С. 105–116.
- Аджигалиев С.И. Неизвестная школа казахских зодчих Северного Приаралья // Маргулановские чтения: Сб. материалов конференции. Алма-Ата, 1989. С. 299–303.
- Аджигалиев С.И. Особенности мемориальной эпиграфики Западного Казахстана // Изв. НАН РК. Сер. филол. 1994. № 1. С. 44–57.
- Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: Ғылым, 2002. 654 с.
- Ажигали С.Е. Уйтам: образ юрты в архитектуре // Қазақтың киіз үйі. Атырау–Лондон, 2005. С. 279–287.
- Ажигали С.Е. О необходимости развития в Казахстане «памятниковедения» – как важнейшего научно-практического направления в сфере культуры // Материалы 1-го и 2-го Симпозиумов по «казахскому памятниковедению». Алматы–Атырау, 2012. С. 19–23.
- Ажигали, Серик. Памятники – в надежные руки // Актюбинский вестник. 2014. № 132.
- Ажигали С.Е. Выдающиеся памятники архитектуры Актюбинской области: фотовыставка. Научно-информационное издание. Алматы–Актобе, 2015. На каз., рус.яз. 52 с.
- Ажигали С.Е. Памятниковедение казахское, украинское, повсеместное...: размышления об актуальной научно-практической дисциплине // Ніжинська старовина. Збірник регіональної історії та пам'яткознавства. Сер. «Пам'яткознавство Північно-Східного регіону України». № 9. Вип. 24 (27). Ніжин–Київ, 2017. С. 5–22.
- Алаштың Алматы мен Самұраты / Жинақтаушы Роман Рақиұлы. Ақтөбе: «Хабар-Сервис», 2022. 520 б.
- Алмат Тобабергеноулы мавзолей // Казахстан. Национальная энциклопедия. Алматы: Қазақ энциклопедиясы. 2004. Т. 1.
- Аскарров Ш.Д. Архитектура Темуридов. Ташкент: Санат, 2009. 144 с.

- Әжіғалиев С. Алмат тамы // Қазақстан. Ұлттық энциклопедиясы. Алматы, 1998. I т. 277 б.
- Байтенов Э.М. Мемориальное зодчество Казахстана. Эволюция и проблемы формообразования: автореф. ... д-ра архит. М., 2004. 50 с.
- Ескерткіш – ел тарихы [Путеводитель по памятникам]. (Подгот. текстового и фотоиллюстр. материала по 50-ти пам-кам С. Ажигали). Ақтөбе, 1992. 142 с.
- Записки о Бухарском ханстве (отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М.: ГРВЛ «Наука», 1983. 150 с.
- Исабаев Г.А. Стилевые особенности архитектуры Казахстана второй половины XIX – начала XX вв.: Дисс. на соиск. учен.ст. канд. арх-ры. Новосибирск, 1992. 147 с. + 27 л. илл.
- Мавзолей Алмата Тобабергенулы <http://ru.encyclopedia.kz/index.php>.
- Научно-проектная документация [для научно-реставрационных работ]. Мавзолей Алмат тамы. Актюбинская область... Т. I / ТОО Специализированная проектно-реставрационная фирма «Кумбез». Алматы, 2020а. 51 л. // Архив Центра исследования, реставрации и охраны историко-культурного наследия Управления культуры, архивов и документации Актюбинской области. Б. №.
- Научно-проектная сметная документация для научно-реставрационных работ мавзолея Алмат тамы (XIX в.). ТОО Специализированная проектно-реставрационная фирма «Кумбез». Алматы, 2020 б. 20 л. // Архив Центра исследования, реставрации и охраны историко-культурного наследия Управления культуры, архивов и документации Актюбинской области. Б. №.
- Оразымбетов С. Алаштын Алматы мен Самыраты // Ақтөбе (газ.). 1996. № 6.
- Сакральная география Актюбинской области. Реестр объектов природы, археологии, этнографии. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. 532 с.
- Хмельницкий С.Г. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин–Рига, 2000. 293 с.

References

- Adzhigaliev S. Zodchestvo Aralo-Kaspiya: areal, hronologiya, tradicii [Architecture of the Aral-Caspian: area, chronology, traditions] // Pamyatniki istorii i kul'tury Kazahstana: Sbornik Tsentral'nogo Soveta Kazakhskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. Alma-Ata, 1988. Vyp. 3. S. 105–116. [Monuments of history and culture of Kazakhstan: Sat. Center. Council of the Kazakh Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments. Alma-Ata, 1988. Issue. 3. pp. 105–116]. [In Russian].
- Adzhigaliev S.I. Neizvestnaya shkola kazahskih zodchih Severnogo Priaral'ya [Unknown school of Kazakh architects of the Northern Aral Sea] // Margulanovskie chteniya: Sbornik materialov konferencii. Alma-Ata, 1989. S. 299–303. [Marghulan Readings: Sat. conference materials. Alma-Ata, 1989. pp. 299–303]. [In Russian].
- Adzhigaliev S.I. Osobennosti memorial'noj epigrafiki Zapadnogo Kazahstana [Features of the memorial epigraphy of Western Kazakhstan] // Izv. NAN RK. Ser. filol. 1994. № 1. S. 44–57. [Bulletin of the NAS RK. Philol. Series. 1994. No. 1. pp. 44–57]. [In Russian].
- Azhigali S.E. Arhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kul'tury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspijskogo regiona). Almaty: Gylym, 2002. 654 s. [The architecture of nomads is a phenomenon of the history and culture of Eurasia (monuments of the Aral-Caspian region). Almaty: Gylym, 2002. 654 p.]. [In Russian].
- Azhigali S.E. Uytam: obrazyurty v arhitekture [Uytam: the image of a yurt in architecture] // Qazaqtyn kiizüii. Atyrau–London, 2005. S. 279–287. [Felt dwelling of the Kazakhs. Atyrau-London, 2005. pp. 279–287] [In Russian].
- Azhigali S.E. O neobhodimosti razvitiya v Kazahstane «pamyatnikovedeniya» – kak vazhnejshego nauchno-prakticheskogo napravleniya v sfere kul'tury [On the need to develop «monument studies» in Kazakhstan as the most important scientific and practical direction in the field of culture] // Materialy 1-go i 2-go Simpoziumov po «kazahskomu pamyatnikovedeniyu». Almaty–Atyrau, 2012. S. 19–23. [Proceedings of the 1st and 2nd Symposia on «Kazakh monument studies». Almaty-Atyrau, 2012. pp. 19–23]. [In Russian].
- Azhigali, Serik. Pamyatniki – v nadezhnyeruki // Aktyubinskij vestnik. 2014. № 132. [Monuments should be given in good hands // Aktobe Bulletin. 2014. No. 132]. [In Russian].
- Azhigali S.E. Vydayushchiesyapamyatnikiarhitektury Aktyubinskoj oblasti: fotovystavka. Nauchno-informacionnoezdanie. Almaty–Aktobe, 2015. Na kaz., rus. yaz. 52 s. [Outstanding architectural monuments of the Aktobe region: photo exhibition. Scientific and information edition. Almaty-Aktobe, 2015. Kazakh, Russian. 52 p.]. [In Kazakh and Russian].
- Azhigali S.E. Pamyatnikovedenie kazahskoe, ukrainskoe, povsemestnoe...: razmyshleniya ob aktual'noj nauchno-prakticheskoy discipline // Nizhins'kastarovina. Zbirnik regional'noi istorii ta pam'yatkoznavstva. Ser.

«Pam'yatkoznavstvo Pivnichno-Skhidnogo regionu Ukraïni». № 9. Vip. 24 (27). Nizhin–Kiïv, 2017. S. 5–22. [Monument studies Kazakh, Ukrainian, ubiquitous ...: reflections on the actual scientific and practical discipline // Nizhynska Starovyna. Collection of regional history and memorials. Ser. «Remembrance of Pivnichno-Skhidny region of Ukraine». No. 9. VIP.24 (27). Nizhin–Kyiv, 2017. pp. 5–22]. [In Russian].

Alashtyn Almaty and Samyraty / Zhinaktaushi Roman Rakiyly. Aktobe: «Habar-Servis», 2022. 520 b. [Almat and Samurat of Alash / Compiler Roman Rakiyly. Aktobe: «Habar-Servis», 2022. 520 b.]. [In Kazakh].

Almat Tobabergenuly mavzolej // Kazahstan. Nacional'naya enciklopediya. Almaty: Kazak enciklopediyasy. 2004. T. 1. [Almat Tobabergenuly Mausoleum // Kazakhstan. National Encyclopedia. Almaty: Kazakh encyclopedias. 2004. Vol. 1]. [In Russian].

Askarov Sh.D. Arhitektura Temuridov. Tashkent: Sanat, 2009. 44 s. [Temurid architecture. Tashkent: Sanat, 2009. 144 p.]. [In Russian].

Azhigaliev S. Almat tamy [The house of Almat] // Kazakhstan. Ul'tyik enciklopediyasy. [Kazakhstan. National encyclopedia]. Almaty, 1998. I-shi t. 277 b. [The house of Almat // Kazakhstan. National encyclopedia. Almaty, 1998. Volume I, 277 p.]. [In Kazakh].

Bajtenov E.M. Memorial'noe zodchestvo Kazahstana. Evolyuciya i problem formoobrazovaniya: avtoref. ... d-ra arhitekt. M., 2004. 50 s. [Memorial architecture of Kazakhstan. Evolution and problems of shaping: abstract of Dr. of Architecture thesis. M., 2004. 50 p.]. [In Russian].

Eskertkish – el tarihy (Putevoditel' po pamyatnikam). (Podgot. Tekstovogo i fotoillyustr. mat-la po 50-ti pam-kam S. Azhigali [Preparation of text and photo-illustrative material on 50 monuments of S. Azhigali]). Aktobe, 1992. 142 s. [Monuments – the history of the country (Guide to monuments). (Preparation of text and photo illustrations based on 50 memos by S. Azhigali). Aktobe, 1992. 142 p.]. [In Kazakh].

Zapiski o Buharskom hanstve (otchet'y P.I. Demezoni I.V. Vitkevicha). M.: Nauka, 1983. 150 s. [Notes on the Khanate of Bukhara (reports by P.I. Demaison and I.V. Vitkevich). M.: Nauka, 1983. 150 p.]. [In Russian].

Isabaev G.A. Stilevye osobennosti arhitektury Kazahstana vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.: Diss. Na soisk. uchen. st. kand. arh-ry. Novosibirsk, 1992. 147 s. + 27 l. ill. [Stylistic features of the architecture of Kazakhstan in the second half of the 19th - early 20th centuries: Diss. for the degree of Candidate of Architecture. Novosibirsk, 1992. 147 p. + 27 l. ill.]. [In Russian].

Mavzolej Almata Tobabergenuly [Mausoleum of Almat Tobabergenuli] <http://ru.encyclopedia.kz/index.php>. [In Russian].

Nauchno-proektnaya smetnaya dokumentaciya [dlya nauchno-restavracionnyh rabot]. Mavzolej Almat-tamy. Aktyubinskaya oblast / TOO Specializirovannaya proektno-restavracionnaya firma «Kumbez». Almaty, 2020. 51 l. // Arhiv Centra issledovaniya, restavracii i ohrany istoriko-kul'turnogo naslediya Upravleniya kul'tury, arhivov i dokumentacii Aktyubinskoj oblasti. B. № [Scientific and design estimate documentation for scientific and restoration work of the mausoleum of Almat-tamy. Aktyubinskaya oblast / LLP Specialized Design and Restoration Company «Kumbez». Almaty, 2020. 51 p. // Archive of the Center for Research, Restoration and Protection of the Historical and Cultural Heritage of the Department of Culture, Archives and Documentation of the Aktobe Region. Without №]. [In Russian].

Nauchno-proektnaya smetnaya dokumentaciya dlya nauchno-restavracionnyh rabot mavzoleya Almat-tamy (XIX v.) / TOO Specializirovannaya proektno-restavracionnaya firma «Kumbez». Almaty, 2020. 20 l. // Arhiv Centra issledovaniya, restavracii i ohrany istoriko-kul'turnogo naslediya Upravleniya kul'tury, arhivov i dokumentacii Aktyubinskoj oblasti. B. №. [In Russian].

Orazymbetov S. Alashtyn Almaty men Samyraty [Almat and Samurat of Alash] // Aktobe (newspaper). 1996. № 6. [In Kazakh].

Sakral'naya geografiya Aktyubinskoj oblasti. Reestr ob"ektov prirody, arheologii, etnografii. Almaty: In-t arheologiiim. A.H. Margulana, 2021. 532 s. [Sacred geography of Aktobe region. Register of objects of nature, archeology, ethnography. Almaty: A.Kh. Marghulan Institute of Archeology, 2021. 532 p.]. [In Russian].

Hmel'nickij S.G. Mezhdru kushanami i arabami. Arhitektura Srednej Azii V–VIII vv. Berlin–Riga, 2000. – 293 s. [Between Kushans and Arabs. Architecture of Central Asia in the 5th–8th centuries. Berlin-Riga, 2000. 293 p.]. [In Russian].

**МАЗМҰНЫ
CONTENTS
СОДЕРЖАНИЕ**

**ДЕРЕКТАНУ ЖӘНЕ ТАРИХНАМА
SOURCE STUDING AND HISTORIOGRAPHY
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ**

Ташқараева Ә.М., Кумеков Б.Е. «ШЕЖІРЕ-И-ТАРАКИМЕ» ШЫҒАРМАСЫНДАҒЫ АУЫЗША ТАРИХ ДӘСТҮРІ: ДЕРЕКТЕМЕЛІК ТАЛДАУ ЖӘНЕ ТӘПСІРЛЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ	5
Төлебаев Т.Ә., Шорманова А.И. СТАТИСТИКА САЛАСЫНДАҒЫ ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҚҰЖАТТАРДЫҢ ҚҰЖАТ АЙНАЛЫМЫ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ОРНЫ МЕН МАҢЫЗЫ ЖӘНЕ ДАМУ ЖОЛДАРЫ	15
Анисимова И.Ю., Рамазанова Ф.С. ПРОБЛЕМАТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ИСТОРИОГРАФИИ XX-XXI ВЕКА	30
Үскәк А., Zhumatay G. THE EXPERIENCE OF ORGANIZING MEASURES TO TRANSLATE OFFICE WORK INTO KAZAKH LANGUAGE (1923-1925)	40
Мамытова С.Н., Сулейменова К.К. ПРИМЕНЕНИЕ IT ПРИ ИЗУЧЕНИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ МАССОВОГО ГОЛОДА В КАЗАХСТАНЕ В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА: ОПЫТ 3D РЕКОНСТРУКЦИИ	48

**ЖАҢА ЗАМАН ТАРИХЫ
NEW HISTORY
НОВАЯ ИСТОРИЯ**

Шамғонов А. 1836-1838 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ БАТЫС АЙМАҒЫНДАҒЫ ХАЛЫҚ-АЗАТТЫҚ КӨТЕРІЛІС.....	59
Жумагамбетов Т.С., Сундетова А.Н. «КАГАНЫ И ХАНЫ «ЙЕКИ МОНГОЛ УЛУСА.....	72
Маргулан А.С. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ УРУС ХАНА ПРАРОДИТЕЛЯ ОСНОВАТЕЛЕЙ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА ЖАНИБЕКА И КЕРЕЯ	80
Атангаева Б.Ж., Сайранбекова Ұ.С., Ахметова Р.Д. ҚАЗАҚ ӨЛКЕСІНДЕГІ КӘСІПКЕРЛІК: ҰЙЫМДАСТЫРУШЫЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗДЕРІ (XIX Ғ. ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫ-XX Ғ. БАСЫ).....	90

**XX-XXI ҒАСЫРЛАР ТАРИХЫ
HISTORY OF THE XX – XXI CENTURIES
ИСТОРИЯ XX – XXI ВВ.**

Нурпеисов Е.К., Жусуп С.А. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ О СУВЕРЕНИТЕТЕ АЛАШ	101
-----------------------------------------------------------------------------------	-----

Сыздыкова А.М., Аманова А.С., Молдакимова А.С. БАЙЛАР МЕН КУЛАКТАРДЫ ЖОЮ БАРЫСЫНДАҒЫ ПАВЛОДАР ЕРТИС ӨңІРІ ХАЛҚЫНЫҢ ҚАРСЫЛАСУ КӨңІЛ-КҮЙІНІҢ ҚАЛЫПТАСУЫ	111
Исмагулов Ұ.Ш., Исмагулова Д.М. ҚАЗАҚСТАНДА ЖЕР НОРМАСЫН ЖАСАҚТАУ ЖӘНЕ ЖЕР ҚОРЫН АНЫҚТАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ (1917-1930 ЖЖ.).....	121
Қасымова Д.Б., Құдайбергенұлы Б., Мамраймов С.Д. СОҒЫС ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ «ҚОСТАНАЙ ОБЛЫСЫНЫҢ ІСІ» ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН БАСШЫЛЫҒЫНЫҢ ҰСТАНЫМЫ	132

**ЭТНОЛОГИЯ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯ
ETHNOLOGY AND ARCHEOLOGY
ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**

Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАВЗОЛЕЯ АЛМАТ-ТАМЫ В СЕВЕРНОМ ПРИАРАЛЬЕ (В КОНТЕКСТЕ ОХРАННО-РЕСТАВРАЦИОННЫХ РАБОТ НА ПАМЯТНИКЕ)	142
Ёлгин Ю.А. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО САЙРАМА: К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА Б.А. БАЙТАНАЕВА.....	160
Сайкенева Д.К., Морякова М.Т. РИТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СОБАКИ В РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КАЗАХОВ	172

**РЕЦЕНЗИЯ
СЫН-ШҚІР
REVIEW**

Кыдыралина Ж.У. РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВ «ИЗ ИСТОРИИ ДЕПОРТАЦИИ. КАЗАХСТАН. 1945-1959 ГГ. ТОМ 4» (АЛМАТЫ, 2022. – 748 С.).....	181
----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

**ЮБИЛЕЙ
МЕРЕЙТОЙ
ANNIVERSARY**

ВИДНОМУ УЧЕНОМУ – ЭТНОЛОГУ-ПАМЯТНИКОВЕДУ С.Е. АЖИГАЛИ ИСПОЛНЯЕТСЯ 70 ЛЕТ!.....	185
ТАРИХШЫ БЕРЛІБАЕВ БАҚДӘУЛЕТ 70 ЖАСТА!.....	189